

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-
ЛИТЕРАТУРНЫЙ
ЖУРНАЛЬ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЫЙ
ІЮНЬ, 1909 Г.

ИЮЛЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ ВЪ ТАШКЕНТѢ.

ЛОВА «свобода», «конституція», «народныя права» долетѣли и до далекаго Туркестана, гдѣ были поняты, конечно, такъ же неправильно, какъ и въ остальной Россіи, то есть «мы-де теперь свободные; все подай намъ; мы теперь сами баре; рѣжь всѣхъ, кто не на нашей сторонѣ и т. д.». Начались волненія, забастовки, оставившія край на недѣли безъ хлѣба, товаровъ, извѣстій изъ Россіи; начались митинги съ зажигательными рѣчами, стрѣльба, экспроприаціи, словомъ, все, что полагается по «новому свободному закону». Масса агитаторовъ бросилась въ войска, видя въ нихъ единственную преграду своимъ злостнымъ замысламъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ агитація попадала на добрую почву: батальоны бунтовались, но вооружить противъ существующаго порядка весь военный элементъ не удалось. Въ концѣ 1905 года сдѣлалъ попытку къ возстанію ташкентскій резервный батальонъ, но спокойнымъ и смѣлымъ распоряженіемъ начальника противнаго отряда возстаніе было подавлено въ самомъ началѣ. Солдатамъ, засѣвшимъ въ казармахъ батальона, находящихся въ крѣпости, было предложено генераломъ П. немедленно очистить казарму и сдать оружіе, въ противномъ случаѣ крѣпости грозило полное разрушеніе батареями полевой бригады и о пощадѣ уже рѣчи, конечно, не было бы. Батальонъ не рѣшился подвергнуть себя разстрѣлу, сдалъ оружіе и выдалъ зачинщиковъ: это послѣднее и послужило поводомъ къ дѣлу 3-го іюля 1906 г., или къ іюльскому возстанію. Я не пишу исторію, а рисую лишь

фактъ по словамъ многихъ очевидцевъ, игравшихъ ту или другую роль въ этой кровавой схваткѣ...

1906 годъ не остановилъ раздававшихся выстрѣловъ, убійствъ, грабежей, наоборотъ, настроеніе жителей города становилось сумрачнѣе, тяжелѣе съ каждымъ днемъ. «Освободители» такъ же энергично продолжали свое гнусное дѣло. Усилились обыски, аресты, высылки подозрительныхъ лицъ изъ предѣловъ края. «Насъ, — говорилъ мнѣ одинъ изъ казачьихъ офицеровъ Оренбургскаго полка, имѣющаго стоянку въ Ташкентѣ, — тревожили день и ночь; массовые обыски, аресты безъ казаковъ не обходились; насъ таскали всюду, гдѣ чувствовалась какая-либо опасность или даже призракъ опасности; ежедневно отъ полка рассылались во всѣ стороны развѣзды, дозоры, секреты. Жизнь и служба превратились въ каторжную работу съ наградой получить изъ-за угла въ лобъ пулю. Но что же было дѣлать? Такъ нужно! Наши семьи были бросаемы на цѣлыя недѣли на волю Божию и на порядочность денщиковъ. Часто полкъ, не разсѣдывая лошадей, въ боевой аммуниціи, ждалъ тревоги по цѣлымъ днямъ, собравшись на полковомъ плацу. Каково было настроеніе нижнихъ чиновъ, догадаться не трудно: казаки еще съ прошлаго года настроились злобно противъ тѣхъ людей, по чьей программѣ раздиралась на части вся Россія, а прокламаціи, наполненныя льстивыми или зловѣщими предупрежденіями, подливали въ огонь масла. Трудно было, но ни одного упрека не срывалось съ казачьихъ устъ!.. Въ другихъ частяхъ едва ли было легче!..» Въ серединѣ іюня среди бѣлаго дня на глазахъ многочисленной публики былъ разграбленъ возъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, перевозимымъ съ оренбургскаго вокзала мѣстному купцу. Подъесаулъ Е., командиръ той сотни, что первая была вызвана для оцѣпленія оренбургскаго вокзала, куда, предполагалось, грабители успѣли снести похищенное оружіе, такъ рассказывалъ объ этомъ инцидентѣ: «Около одиннадцати часовъ утра въ комнатѣ, гдѣ мы съ младшимъ офицеромъ хорунжимъ Д. пили чай, влетѣлъ испуганный денщикъ съ вѣстью, что «товарищи» разграбили возъ съ револьверами. Откуда занесъ къ намъ онъ эту новость, — сказать не рѣшаюсь, видимо, сорока на хвосту принесла. Наша сотня была «на случай тревоги», и я, думая, что безъ казаковъ дѣло не обойдется, приказалъ сотнѣ осѣдлать коней, чтобъ, по требованію, выступить немедленно. Такъ и вышло: около одиннадцати съ половиной часовъ дежурный офицеръ передалъ приказаніе взводу отъ моей сотни прибыть на вокзалъ въ распоряженіе полицеймейстера; черезъ десять минутъ лихой хорунжій уже былъ на мѣстѣ, — вокзалъ отстоитъ отъ полка версты на три-четыре. Навстрѣчу казакамъ полетѣли изъ депо насмѣшки, угрозы, проклятья. Мастерскія почти со всѣхъ сторонъ окружены глиняной

стѣнной, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сильно разрушенной. Взводу полицеймейстеромъ было приказано одѣпить депо, куда впускать всѣхъ, но ни одной души не выпускать оттуда. Одѣпили... Изъ взвода осталось всего лишь семнадцать казаковъ, такъ какъ съ остальными полицеймейстеръ производилъ обыскъ въ мастерскихъ, откуда начали появляться рабочіе съ цѣлю удрать въ городъ, но кольцо нижнихъ чиновъ тотъ часъ же смыкалось и, конечно, ну одному рабочему сквозь него пробраться не удалось! Но рабочіе усиленнѣе и смѣлѣе порывались продѣлать это снова; казаки, за малочисленностью, не могли имъ препятствовать, такъ какъ разстояніе между всадниками равнялось тридцати-сорока сажениамъ, въ виду чего хорунжій извѣстилъ меня о положеніи дѣла, и я съ остальными тридцатью человѣками примчался ему на помощь, да и во время: положеніе его съ каждой минутой становилось затруднительнѣе, онъ леталъ вездѣ самъ, успокаивая озлобленныхъ казаковъ и уговаривая рабочихъ... Въ него полетѣло нѣсколько камней,—одинъ казакъ мгновенно выхватилъ изъ-за плеча винтовку, и, если бы струсившій освободитель не скрылся среди вагоновъ, онъ бы жестоко заплатилъ за дерзкое нахальство... 17 противъ тысячи, вооруженныхъ разграбленнымъ оружіемъ, скрытыхъ стѣнной и постройками, рабочихъ,—согласитесь, положеніе варварское! Жаль было смотрѣть на измученнаго Д.; какой-нибудь часъ его страшно измѣнились: онъ поблѣднѣлъ, весь дрожалъ, какъ-то осунулся, а глаза свѣтились нехорошимъ огонькомъ... Я усилилъ цѣпь вокругъ стѣны, казаки вздохнули свободнѣе: все же пятьдесятъ, а не семнадцать, да еще и полученное приказаніе при попыткахъ рабочихъ перебраться черезъ стѣну останавливать ихъ огнемъ подняло ихъ самочувствіе. Скоро на рысяхъ подтянулась еще сотня, и мы уже совершенно успокоились. Обыскъ шелъ своимъ чередомъ: оружіе, какъ и предполагалось, было спрятано здѣсь; его находили вездѣ: въ трубахъ, въ вагонахъ, въ цистернахъ, въ печахъ, подъ путями, въ прилегающихъ садахъ. Въ два часа прогудѣлъ свистокъ; работа въ мастерскихъ кончилась, и рабочіе, черезъ выходъ, подъ строжайшимъ контролемъ, были распущены по домамъ. Въ это время разнесся слухъ, что къ вокзалу идутъ на помощь рабочимъ саперы, расположенные въ лагерѣ, отъ мастерскихъ версты три: къ намъ прибыла еще сотня, тройной цѣпью былъ окруженъ вокзалъ, гдѣ все еще обыскъ продолжался, и мы ждали непрощенныхъ гостей, но слухъ не подтвердился: саперы еще выжидали!»

Послѣ только что описаннаго ограбленія обыски и аресты увеличились.

Изъ Россіи извѣстія приносились все тревожнѣе и тревожнѣе Ташкентъ заволновался сильнѣе; «освободители» неотвязчивѣе

всасывались въ войска, и наконецъ разразилось 3-го іюля. По частнымъ свѣдѣніямъ, собраннымъ мной отъ лицъ, коимъ я вполне довѣряю, дѣло разыгралось приблизительно такъ. Выданные товарищами «зачинщики» бунта въ крѣпости понесли должную кару: 12 человекъ изъ нихъ были присуждены къ каторжнымъ работамъ и должны были быть отправлены къ мѣсту ссылки 3-го іюля, но... тутъ и начинается «но», доведшее до кровопролитія. Такъ рассказывалъ объ этомъ печальномъ случаѣ казачій офицеръ: «Въ 4 часа утра 3-го іюля наша сотня получила приказаніе прибыть на рысяхъ къ городской тюрьмѣ для сопровожденія арестантовъ на вокзалъ. Безъ насъ обойтись, конечно, не могли, хотя эту же самую роль могли свободно выполнить конвойные солдаты, «но» казаки, казаки «надежныѣ какъ-то». Не успѣли мы показаться у тюрьмы,—налѣво кругомъ, маршъ обратно! Спрашиваемъ: почему? Отвѣчаютъ: арестанты еще не готовы. Въ 10 ч. снова вытребовали сотню!.. 2 раза казачья сотня мелькнула передъ глазами обывателей, и уже это одно мельканіе породило массу невѣроятныхъ слуховъ! Сотня спѣшилась у воротъ, а мы, офицеры, вошли во дворъ тюрьмы, гдѣ происходила, вѣрнѣе, только началась заковка арестантовъ въ кандалы. Тюремныя лица, исполняющія эту обязанность, разбѣжались въ виду того, что изъ оконъ камеръ имъ бросили угрозу?! Наконецъ, послѣ большихъ розысковъ и угрозъ съ нашей стороны, даже подъ страхомъ смерти, отыскали одного кузнеца, который, громко сказавъ: «видите, я не виноватъ», принялся за работу. Изъ камеръ раздавались напуганные слова, неслась «Варшавянка», а по нашему адресу такъ наскучившія угрозы, проклятія, крики: «кровопійцы, разбойники», и другіе непередаваемые эпитеты; но взводъ казаковъ, введенный по знаку командира сотни во дворъ, заставилъ всѣхъ крикуновъ прикусить языкъ. Слухъ объ отправленіи арестантовъ быстро разнесся по городу, и жадная въ это время ко всякимъ выраженіямъ неудовольствія толпа валила къ тюрьмѣ со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, около 12¹/₂ ч., вмѣсто 4 часовъ утра, арестанты были одѣты, обуты, закованы, рассчитаны съ тюрьмой и поступили въ вѣдѣніе начальника конвойной команды, которому, по старшинству въ чинѣ, подчинилась и сотня... Послали за извозчиками—ни одного: «свободные товарищи» жестоко мстили беззащитному люду!.. Пришлось итти пѣшкомъ по главной улицѣ! Арестантовъ окружили кольцомъ конвойные солдаты, потомъ вторымъ кольцомъ мы, а кругомъ стѣной шла толпа съ громкой надгробной пѣсней, съ проклятiami, старыми угрозами, криками; часто она пыталась пробраться сквозь кольцо, но достаточно было одного сильнаго окрика, и она приходила въ себя, отходя на должную дистанцію. Было знойно! Солнце палило немилосердно; наскоро пригнанные кандалы терли ногу и приходилось часто давать отдыхи, во время кото-

рыхъ сейчасъ же начинались обыкновенныя, за душу хватающія неразумнаго рабочаго рѣчи съ обѣихъ сторонъ. Невдалекѣ отъ военнаго собранія нашли извозчиковъ, «но» арестанты упростили добрѣйшаго, боязливаго конвойнаго подполковника итти послѣднія минуты на родной землѣ пѣшкомъ. Опять двинулись въ томъ же порядкѣ. Громко раздалась пѣснь «свободы», полетѣли шапки, замелькали красныя флаги—это было торжественное шествіе побѣдителей, но никакъ не осужденныхъ кандалъниковъ. Приходилось только молчать и грозно таращить глаза на расходившуюся толпу, что, конечно, никакого дѣйствія, кромѣ насмѣшки, не производило—«оружіе не разрѣшено было даже вынимать или обнажать»... До насъ ясно долетали слова: «освободить, кандалы долой»; нѣсколько камней упало недалеко отъ меня и командира сотни, тотъ не выдержалъ и рѣзко доложилъ подполковнику, что, если арестанты не будутъ сейчасъ же посажены на экипажи, онъ уведетъ казаковъ! Подполковникъ отъ такой рѣчи только съежился, а командиръ сотни мигомъ приказалъ казакамъ и солдатамъ водворить на извозчиковъ осужденныхъ, что и было исполнено. «Рысью марш!»—и мы быстро помчались къ станціи. Толпа бѣжала за экипажами... Вагоновъ для отправляемыхъ и въ поминѣ не было; многіе обвиняли въ этомъ упущеніи коменданта станціи, убитаго потомъ, подполковника Чернова,—это далеко отъ истины: Черновъ не былъ даже предупрежденъ... Вотъ какой безалаберной и вмѣстѣ съ тѣмъ подозрительной таинственностью окружили эту отправку... Пришлось, окруживъ конвойцами и частью казаковъ, оставить арестантовъ на платформѣ въ виду тысячной возбужденной толпы, которой нуженъ былъ крошечный толчокъ, чтобы она потеряла голову. Въ два часа кончилась работа въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, откуда всѣ рабочіе завернули на станцію: толпа росла, росла и росла; задніе давили переднихъ, передніе—казаковъ; кольцо все суживалось!.. Тихо затянули въ заднихъ рядахъ «Дубинушку», громче подхватили въ серединѣ и смѣлымъ порывомъ бросили передніе прямо въ лицо намъ вызовъ: «когда русскій мужикъ разогнетъ свою спину,—онъ подниметъ родную дубину»... Потомъ на минуту все смолкло, какая-то ужасная, давящая тишина наступила, чувствовалось, что сейчасъ случится что-то дикое, тяжелое... «Пора, товарищи!.. Долой кандалы! Пора снять оковы»—раздался изъ середины толпы рѣзкій голосъ. Толпа не поняла значенія словъ и съ крикомъ: «долой кандалы», бросилась къ арестантамъ. «Что вы дѣлаете, остановитесь!» покрылъ весь шумъ голосъ одного изъ арестантовъ, но было уже поздно. Насъ стѣснили, толпа устремилаь освободить арестантовъ,—мы должны были обнажить оружіе, чтобы противостоятъ насилію. Подполковникъ скомандовалъ: «Казакі кругомъ! Шапки вонъ». Блеснули клинки—онѣмѣли передніе ряды, остановились, задніе продолжали

напирать; передніе повернули и съ дикимъ вошлемъ: «рѣжутъ!» бросились въ разныя стороны, давя другъ друга, какъ стадо глухыхъ барановъ. Крикъ «рѣжутъ» долетѣлъ и до заднихъ, которые тоже бросились вразсыпную, спасаясь отъ воображаемыхъ ударовъ. Тутъ и случилось то, въ чемъ потомъ обвинили въ печати казаковъ: въ суматохѣ были задавлены одна старушка, беременная женщина и нѣсколько дѣтей. Ни одна казачья пашка не опустила для удара, ихъ было такъ мало, что все находились у насъ въ глазахъ, а мы, офицеры, допустить рѣзни не имѣли даже законнаго права, не говоря о нравственномъ! Толпа металась, какъ зачумленная, не приходя въ себя: многіе прыгали черезъ перила прямо на землю, ломая и вывихивая руки, ноги; одинъ рабочій, забѣжавъ въ залъ 1-го класса и не найдя выхода, бросился головой въ окно со 2-го этажа, разбилъ двойную раму и упалъ, весь изрѣзанный и покалѣченный, на землю... Это тоже не вина казаковъ... Наконецъ стадо пришло въ себя, оглядѣлось, увидѣло, что съ ними все еще шутятъ и никакой рѣзни не было, снова потянулось на платформу, но въ это время былъ поданъ вагонъ, куда и были немедленно введены арестанты.

«Въ 4 часа по полудни поѣздъ двинулся. Отошелъ 10—20 сажень, остановился—сбѣжалъ машинистъ. Толпа съ озвѣрѣлыми лицами опять сжала насъ. Посадили солдата желѣзнодорожной роты за машиниста... Двинулись... Опять остановка. Расцѣпили вагоны... Прицѣпили; опять остановка: отцѣпленъ паровозъ; нужно удивляться, сколько смѣлости и нахальства было у рабочихъ рисковать расцѣплять на ходу вагоны, окруженные казаками, но они рѣшались, видя, что съ ними по старому шутятъ,—съ оружіемъ и мы молчали,—не имѣли права пустить его въ дѣло; тогда на площадку каждаго вагона поставили часового съ приказаніемъ командира сотни, взявшаго на себя такую громадную отвѣтственность съ завѣдомо неисполненіемъ приказанія высшаго начальства: «рубить, если кто осмѣлится подойти»,—толпа немного отхлынула, но лишь на секунду. Командиръ сотни кричитъ, что, если кто приблизится на 50 шаговъ, онъ прикажетъ открыть огонь: толпа отошла на 50 шаговъ и остановилась, что-то выжидая. Видно было, какъ многіе отсчитывали эти 50 шаговъ, злобно усмѣхаясь,—толпа издѣвалась надъ нами, мы... молчали... Поѣздъ снова двинулся, но, когда толпа открыла путь,—онъ былъ перегороженъ и заваленъ бревнами, шпалами, рельсами, вагонными колесами и т. п. Мы выбивались изъ силъ, очищая путь, толпа отходила дальше и тамъ сооружала подобныя же баррикады. Казаки,—жаль было смотрѣть на нихъ: горсточка въ 25 человекъ хотѣла разбросать то, что было навалено 4—5-тысячной толпой. Командиръ сотни приказалъ мнѣ доложить обо всемъ командиру полка и просить насъ смѣнить, такъ какъ силъ бороться

уже не хватало... Но меня на центральной телефонной станціи соединяли то съ магазиномъ Сахо, то съ банями Метрикова, то съ театромъ, съ циркомъ, съ кѣмъ угодно, только не съ нашимъ полковникомъ; такъ, не солоно хлебавши, я и ушелъ отъ телефона. Нарядили 3 казаковъ и урядника съ донесеніемъ командиру полка, но въ это время на дорогѣ къ вокзалу поднялась пыль, и остальные 3 сотни подъ начальствомъ самого командира полка показались у переѣзда. Картина измѣнилась: на разстояніи 2—3 верстъ по рельсамъ разставили часовыхъ, толпу далеко отѣснили отъ пути; разобрали баррикады, и поѣздъ въ 6 ч. вечера наконецъ-то ушелъ!.. Ложь, что казаки били ногайками, рубили пашками. Да развѣ бы толпа отдѣлалась только тремя задавленными? За день казаки задергались, взвинтились, озлобились, и, дойди дѣло до пашекъ, трудно даже вообразить, какая бы каша получилась изъ «товарищей»... Слава Богу, что не дошло дѣло до оружія!.. Только одинъ разъ ногайка нащупала виновнаго: какой-то пьяный, въ красной рубашкѣ, рабочій громко крикнулъ по адресу командира полка: «Эй ты, черпобородый, за что получилъ золотое оружіе? Портъ-Артуръ пропилъ?» Высокій казакъ, фамилии его не знаю, подошелъ спокойно къ крикуну и заставилъ его получить достойную награду за оскорбленіе! Около 7 ч. вечера, усталые, измученные и нравственно и физически, не ѣвши и не пивши цѣлый день, мы вернулись въ полкъ, но не успѣли еще и коней разсѣдлать, какъ рѣзкій звукъ «тревоги» принудилъ снова вскочить на коней. Прискакали на вокзалъ; со всѣхъ сторонъ къ станціи тянулись войска. Приѣхалъ командиръ корпуса г.-л. Шпицбергъ... Темнѣло... 3-й Туркестанскій стрѣлковый батальонъ былъ немедленно разсыпанъ въ цѣпь, заняли позицію пулеметы. Наша сотня осталась при начальникѣ отряда, а я самъ былъ посланъ съ развѣдомъ къ саперному лагерю со стороны р. Карасу. Саперные батальоны шли защищать толпу, которая, по полученнымъ ими свѣдѣніямъ, была избиваема казаками... Часовъ въ 9 раздался грохотъ пулемета... Я вернулся домой въ 5 ч. утра 4-го іюля, не ѣвши цѣлыя сутки»...

І. Н. Д.—овъ, офицеръ конвоя командующаго войсками округа, дополнилъ мои замѣтки слѣдующимъ описаніемъ. Онъ былъ назначенъ въ распоряженіе генерала Шпицберга, и все дѣло происходило на его глазахъ: «Крестьянинъ Волковъ, —говоритъ І. Н.: — видимо, глава революціонной партіи Ташкента и, видимо, близко знакомый нижнимъ чинамъ саперныхъ батальоновъ, при крикѣ толпы «рѣжутъ», не разузнавъ причины давки и ужаса бросившейся толпы или даже, возможно предполагать, имѣя только предлогъ поднять уже достаточно разложенныхъ саперъ, мигомъ сѣлъ на велосипедъ и помчался въ саперный лагерь, гдѣ мгновенно распустилъ слухъ, что казаки пашками рубятъ на вокзалѣ без-

защитныхъ арестантовъ и «товарищей», собравшихся ихъ проводить, и просилъ во имя «свободы», которая такъ пришлось по нраву сапернымъ батальонамъ, защитить невинныхъ и отомстить за пролитую кровь и смерть многихъ, погибшихъ отъ сабельныхъ ударовъ «разбойныхъ опричниковъ»... «Казакѣ рубятъ! Казакѣ рубятъ! Выручатъ товарищей! Смерть кровопийцамъ», понеслось по лагерю. Главари бросились разбивать пирамиду съ винтовками, ящики съ патронами, силой принуждая многихъ браться за оружіе. Выстроились, послѣ чего въ полномъ порядкѣ подъ командой унтеръ-офицеровъ бѣглымъ шагомъ двинулись къ вокзалу. Лишь одна телеграфная рота осталась вѣрной своему долгу. Фельдфебель Свароба не допустилъ ни одного нижняго чина этой роты принять участіе въ мятежѣ, и рота совершенно спокойно оставалась въ лагерѣ въ продолженіе всей кровопролитной схватки. Между Оренбургскимъ, или старымъ, вокзаломъ и Ташкентскимъ вокзаломъ идетъ сплошная стѣна, охватывающая всѣ мастерскія Средне-Азіатской дороги. Стѣна отдѣляется отъ Оренбургскаго вокзала большой поляной, совершенно открытой. 3-й стрѣлковый батальонъ занялъ позицію у стѣны, имѣя передъ собой отлично обстрѣливаемую поляну, откуда и должны были наступать саперы, такъ какъ другого, болѣе удобнаго пути для наступленія не было. Пулеметы были поставлены: на переѣздѣ у Куйлюкскаго шоссе; у товарной станціи—для обстрѣла противоположащихъ мастерскихъ, откуда предполагалось нападеніе толпы, и въ тылу у церкви для отраженія нападений съ тыла, въ виду появившагося слуха, что часть «освободителей» намѣревается напасть со стороны города. На Куйлюкскомъ мосту около Оренбургскаго вокзала на лѣвомъ флангѣ всей позиціи заслономъ была выдвинута Оренбургская 2-я сотня, а на Паркенскомъ мосту противъ кадетскаго корпуса 1-я сотня. Саперы не ожидали встрѣтить такую укрѣпленную преграду, такъ какъ, по словамъ крестьянина Волкова, что потомъ выяснилось на судѣ, на вокзалѣ были лишь три сотни казаковъ, и стрѣлки съ первыхъ же выстрѣловъ должны были перейти на ихъ сторону. Ловушка бѣднягамъ со стороны «свободолюбивыхъ товарищей» была разставлена адская, и саперы влетѣли въ нее, какъ куръ во щи. Въ городѣ было шумно по старому, тамъ еще не были увѣрены въ предстоящемъ сраженіи... Штабъ начальника отряда находился у церкви, сзади товарной станціи... Я направился туда... Одинокѣ прозвучалъ выстрѣлъ, пуля ласково и весело свистнула совсѣмъ недалеко: задрезало окно въ церкви; посыпались осколки...

Саперы дѣлали пробу: съ перваго выстрѣла стрѣлки угрюмо молчали и не переходили на ихъ сторону,—саперы почувствовали, что попались на удочку. Потомъ другой выстрѣлъ, третій — пули ложились совсѣмъ близко отъ насъ. Не вѣрилось, что вотъ такой

одинъ маленькій свинцовый обрубокъ можетъ покончить всѣ счеты съ жизнью. Не вѣрилось, но, когда выстрѣлы загремѣли чаще и казакъ-ординарецъ со стономъ схватился за плечо, по которому потекла кровь, просачиваясь черезъ рубашку,—тогда всѣмъ стало ясно, что дѣло приняло нешуточный оборотъ. Саперы, надѣясь, по увѣреніямъ крестьянина Волкова, встрѣтить лишь три сотни казаковъ, а со стороны стрѣлковъ дружескій привѣтъ, опѣшили, увидя, что казаковъ-то нѣтъ, а стрѣлки мѣтко отвѣчаютъ на выстрѣлы, засѣли сами у стѣны Оренбургскаго вокзала и завязали сильную перестрѣлку.

Съ грохотомъ промчалась санитарная арба,—возница не удержалъ испуганную лошадь; забѣгали фельдшера съ красными крестами на рукавѣ; явились бѣглецы съ той стороны, прося защиты у насъ и говоря, что ихъ силой заставили итти; привезли плѣнныхъ, настигнутыхъ казачьими разъѣздами!.. Съ первыхъ же выстрѣловъ городъ затихъ, прекратилось всякое движеніе, все стремилось запереться за крѣпкіе запоры, засѣсть за толстыя стѣны: точно вымерло кругомъ, и только тоскливое завываніе собакъ нарушало могильную тишину, да частые выстрѣлы давали знать, что «товарищи» добываютъ себѣ «свободу».

Раздалось громкое «ура»,—саперы бросились черезъ поляну въ атаку. Навстрѣчу имъ ѣдскимъ смѣхомъ захохотали пулеметы!.. Потомъ сразу все стихло!.. Наступила жуткая, жуткая, щемящая тишина, среди которой раздавались стоны раненыхъ и громкое топаніе убѣгавшихъ въ паникѣ саперъ... Я былъ посланъ къ сотнѣ у Паркенскаго моста выяснить ея положеніе! Какъ только моя голова показалась около лѣснаго склада, котораго не было возможности миновать, въ мое лицо брызнули искры нѣсколькихъ выстрѣловъ, къ счастью, не причинившихъ никакого вреда, но заставившихъ начальника отряда послать сюда роту стрѣлковъ. Я выпустилъ «на страхъ врагамъ» пять пуль изъ револьвера, и мы умчались къ мосту... Интересно то, что за все время перестрѣлки ни одного «товарища» не было и въ поминѣ; подготовили, «науськали», а рассчитывайтесь, молъ, сами!.. Политика достойная сыновъ освободительнаго движенія... Потомъ выяснилось, что вся толпа въ паническомъ ужасѣ простояла цѣлую ночь въ концѣ «Поганки», за казачьими казармами, гдѣ этой ночью не было живой души, кромѣ больныхъ да раненыхъ!..»

Представленіе, умѣло подготовленное, но неумѣло разыгранное, кончилось. Результаты: 1 убитый, 17 раненыхъ; съ нашей стороны ранены: 2 стрѣлка, казакъ и контуженъ офицеръ, всѣ легко. «Освободители» могли только радоваться, какъ платились за ихъ «любезныя, зажигательныя, многообѣщающія рѣчи» сѣрые люди... Конечно, проводы арестантовъ и предполагаемое избіеніе толпы казаками было лишь предлогомъ вооружить саперъ, но никакъ не

причиной возстанія. Причина кроется глубже, въ корнѣ—въ управленіи краемъ генерала Субботича.

Я не рѣшаюсь разбирать здѣсь всѣ причины мятежа, во-первыхъ, потому, что это займетъ много мѣста, а, во-вторыхъ, боюсь, какъ бы не вышло переливаніемъ изъ пустого въ порожнее, такъ какъ эти причины достаточно ярко освѣщены въ очеркахъ: «Политика, тактика и дѣятельность генераловъ Субботича и Маціевскаго при управленіи Туркестанскимъ краемъ» и «По Туркестану», когда я ближе ознакомился съ дѣйствительнымъ положеніемъ вещей. Здѣсь же я рисовалъ, повторяю, лишь фактъ, какимъ онъ былъ испытанъ, виденъ или слышанъ различными лицами, участвовавшими въ дѣлѣ 3-го іюля.

А. Рудый.

